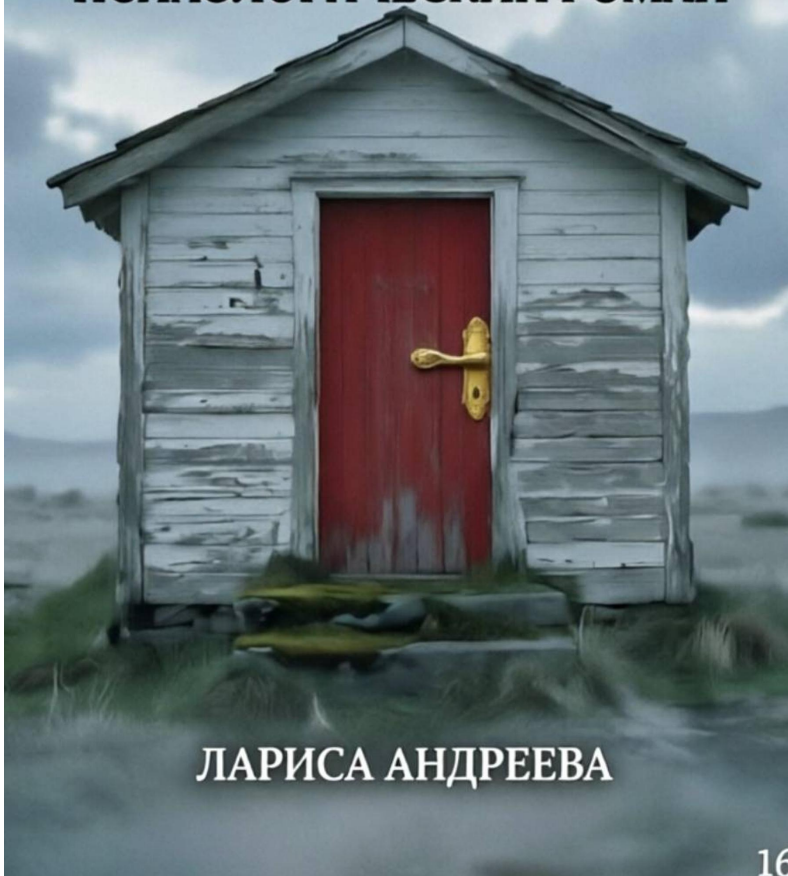

ДОМ БЕЗ ДВЕРЕЙ ИЛИ КРАСНАЯ ДВЕРЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

ЛАРИСА АНДРЕЕВА

Лариса Андреева Дом без дверей, или Красная дверь

<https://litres.ru/74192012>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она считала сына мёртвым пятнадцать лет. Пока не увидела его живым.

Вера Нечаева - арт-терапевт хосписа. Она провожает детей в последний путь, рисуя им двери в свет. Но для своего сына она не нарисовала дверь - ей сказали, что он умер.

Однажды она видит его на улице. Живого, смеющегося, с той же родинкой на щеке возле левого уха. Он жив - и у него другая семья.

Вера начинает расследование, проникает в дом Ребровых и узнаёт правду: документы были подделаны. Она должна выбрать: бороться за сына в суде или дать ему право выбрать самому.

Это история о том, как любовь матери способна открыть любую дверь. Даже ту, за которой больше нет дверей.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТИШИНА

4

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Лариса Андреева

Дом без дверей, или Красная дверь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТИШИНА

ГЛАВА 1. ТИШИНА ПЕРЕД ШТОРМОМ

Я сижу напротив неё уже сорок три минуты. Девочке одиннадцать лет, её зовут Аня, и она умрёт через три недели. Я знаю это по анализам, по тому, как медсестра отвела глаза, когда я спросила про её показатели гемоглобина, и по тому, как сама Аня перестала просить мороженое.

Дети, которые собираются умереть, перестают просить мороженое. Они не знают, что это связано со смертью. Они просто теряют вкус к жизни за несколько недель до конца. Вкус мороженого - это же желание жить, разве нет? Вкусное, сладкое, холодное. Оно бьёт по горлу, заставляет глаза слезиться, и ты чувствуешь себя живым.

Аня больше не хочет быть живой.

- Нарисуй мне что-нибудь, - говорю я мягко, пододвигая к ней лист бумаги.

Она берёт карандаш. Её руки - как прозрачные крылья

стрекозы. Кожа настолько тонкая, что я вижу синие прожилки вен, разбегающиеся под ней, как карта рек. Я смотрю на эти руки и думаю о том, что пятнадцать лет назад я держала в своих ладонях такие же руки. Маленькие, хрупкие, умирающие.

Я разрешаю себе эту мысль ровно на секунду. Потом захлопываю внутреннюю дверь.

Аня рисует дом. Стандартный - квадрат, треугольная крыша, дырявое окошко. Я говорю:

- А где дверь?

Она долго смотрит на рисунок. В палате тихо, только аппарат ИВЛ в соседней комнате мерно шипит, как змея. Аня говорит:

- У дома нет двери.

- Почему?

- Потому что там никто не живет. Это просто дом. Призрачный дом.

Меня передёргивает. Не от страха. От узнавания. Аня рисует мою душу, сама того не зная. Призрачный дом. Там нет двери. Потому что выходить некуда. И заходить некому.

Я говорю:

- Аня, давай я нарисую тебе дверь?

Она пожимает плечами. Я беру красный карандаш и рисую дверь. Яркую, как пожарная машина. Я рисую ручку, золотую, блестящую. Аня смотрит, и впервые за два дня в её глазах мелькает что-то похожее на интерес.

- Зачем дверь, если никто не входит?

- Кто-то обязательно войдёт, - говорю я. - Просто нужно подождать.

Я не говорю ей, что за дверью стоит смерть. Что она уже стоит там, разминает плечи, готовится шагнуть внутрь. Я не говорю ей, что каждый день я провожу детей к этой двери и держу их за руки, когда они проходят через неё.

Я - провожатая. Я - та, кто рисует двери для умирающих.

Я - Вера Сергеевна Нечаева, арт-терапевт хосписа "Надежда". И каждый день я смотрю на смерть, смотрю смерти прямо в глаза. Но когда умер мой двухнедельный сын, меня не было рядом. Я лежала в реанимации, приходя в себя после тяжёлых родов. Я была между жизнью и смертью и даже не сразу узнала, что он ушёл. Когда я очнулась, мне сказали: «Ваш сын не выжил. Мы сделали всё, что могли».

Я никогда не видела его мёртвым. Я никогда не держала его на руках после того, как он перестал дышать. Я только помню его тёплое тельце, прижатое к моей груди, и его запах - молоко и что-то сладкое, как мёд.

И мне осталось только принять этот факт. Принять, что я не успела. Что меня не было. Что я не смогла попрощаться.

Я не поворачиваю голову назад, потому что там - не память. Там - пустота, которую я никогда не смогу заполнить.

Через час я выхожу из хосписа.

На улице апрель, грязный, промозглый. Асфальт мокрый

после дождя, небо висит низкое и свинцовое. Я закуриваю сигарету. Я знаю, что это вредно. Я арт-терапевт, я должна подавать пример. Но когда ты каждый день смотришь, как умирают дети, сигарета - это единственное, что держит твои пальцы от дрожи.

Сажусь в маршрутку. Старую, дребезжащую, с запахом бензина и чужого пота. Доехать до моего района - сорок минут. Я смотрю в окно, не видя улиц. Я думаю об Ане. Я думаю о том, как долго она ещё продержится. Я думаю о том, что сегодня у неё был день рождения. Она стала старше на один год. Это значит, что она умрёт в одиннадцать, а не в десять. И это мне кажется чудовищной несправедливостью.

Именно в этот момент маршрутка тормозит.

На светофоре.

Я поднимаю глаза.

На другой стороне дороги, у края тротуара, стоит мальчик.

Ему лет четырнадцать-пятнадцать. Худой, светловолосый, с рюкзаком за спиной. Он смотрит на свой телефон, улыбается чему-то, и ветер треплет его чёлку. Обычный мальчик. Всё как обычно.

Но я не могу дышать.

Потому что у него на щеке, возле левого уха - родинка. Круглая, тёмно-коричневая, размером с горошину. Я вижу её, хотя между нами пять метров мокрого асфальта и грязный ветер.

Моё сердце останавливается.

Я знаю эту родинку.

Я целовала её. Я касалась её губами, когда он был крошечным, тёплым и пахнущим молоком. Я пересчитывала все его родинки. У него их было семь. Одна - на щеке возле левого уха. Последняя, седьмая. Я помню её форму, её цвет, её размер.

Я смотрю на мальчика. Он смеётся. Он жив. Он не может быть жив, потому что тот мальчик умер пятнадцать лет назад. Его похоронили. У него была могила. Я сажала на ней тюльпаны каждый год, пока не перестала приезжать на кладбище, потому что не могла больше смотреть на землю, которая держит в себе моего ребёнка.

Но он стоит там. На другой стороне дороги. Живой. Смеющийся.

Я хватаюсь за поручень, потому что ноги становятся ватными. Я хочу закричать. Я хочу открыть дверь маршрутки и выбежать к нему. Я хочу схватить его за плечи, повернуть к себе, посмотреть ему в глаза и спросить:

«Ты - это ты? Ты - мой сын? Скажи мне, что ты не сон. Скажи мне, что я не сошла с ума. Скажи мне, что ты жив!».

Загорается зелёный. Маршрутка дёргается и едет дальше. Мальчик исчезает за поворотом.

Я поворачиваю голову. Я смотрю в заднее стекло, но вижу только серые дома и мокрый асфальт.

Я говорю себе: «Это галлюцинация. У тебя стресс. Аня

умирает. У тебя начинается психоз. Ты не спала три ночи. Тебе показалось».

Но я знаю, что это не показалось.

Потому что я видела его. Я видела его родинку. Я видела его улыбку. Я видела его живым.

Я хочу зажечь сигарету. В маршрутке запрещено курить, но мне плевать. Мои руки трясутся так сильно, что я не могу прикурить. Пассажиры на меня косо смотрят. - Вы что, с ума сошли?! - кричит женщина сзади. - Здесь дети! Вы что творите?

- Прекратите это! - закричал мужчина в кожаной куртке.

Я говорю:

- Извините.

И выхожу на следующей остановке. Раньше своего района на двадцать минут. Я просто выхожу, потому что не могу сидеть в этом железном гробу, когда за окном ходит мой мёртвый сын.

Я стою на улице. Дождь начинает моросить. Я не чувствую холода.

Я достаю из кармана старую, потёртую фотографию. Я носила её с собой пятнадцать лет. Всегда. В кошельке. Я не могла оставить её дома, не могла спрятать. Она всегда была со мной. Это всё, что у меня осталось.

На ней - его ручка. Маленькая, с крошечными пальчиками. И моя ладонь, которая держит её. Я помню этот момент. Я помню, как он сжал мой палец. Как я заплакала от счастья.

Я смотрю на его левую щеку возле уха на этой фотографии.

Родинка.

Та самая.

Я убираю фотографию в карман.

Я закрываю глаза.

Я знаю, что это он.

Я не знаю, что сейчас делать. Я не знаю, реальность это или безумие. Я знаю только одно: я должна его найти.

Потому что если он жив, я хочу знать - почему мне сказали, что он умер?

А если он не жив, если это просто совпадение, если я сошла с ума от горя - тогда мне нужно убедиться в этом, чтобы закрыть эту дверь навсегда.

Но я уже знаю, что я её не закрою.

Потому что дверь, которую ты нарисовал для другого, всегда остаётся чуть приоткрытой. Чтобы ты мог заглянуть внутрь.

Я смотрю на мокрый асфальт.

Я зажигаю сигарету в пальцах.

Я говорю тихо-тихо, на выдохе:

- Миша. Если это ты... я найду тебя. Даже если мне придётся снести весь этот город.

Я делаю шаг вперёд. В сторону, где скрылся мальчик. Я не знаю его имени. Я не знаю его адреса. У меня нет ничего, кроме моей памяти и этой родинки.

Но я - Вера Сергеевна Нечаева. Я провела через дверь смерти больше детей, чем любая живая душа в этом городе. Я привыкла искать выход там, где его нет.

Если мой сын где-то жив - я его найду.

Даже если для этого мне придётся переступить через всё, во что я верила.

ГЛАВА 2. ШКОЛА №14

На следующий день я стою перед железными воротами школы №14. Это обычная школа. Серая, панельная, с облупившейся краской на перилах и запахом казённой еды из столовой. Таких много по всему городу. Я смотрю на неё и понимаю, что не была в школе с тех пор, как Миша... как мне сказали, что Миша умер.

Я не хожу в школы. Я хожу в хосписы. Там дети умирают. Здесь - живут. И это различие между ними режет мне глаза, как битое стекло.

Я подхожу к вахтёрше. Женщина за пятьдесят, с уставшим лицом и ярко-накрашенными губами. Она похожа на тех медсестёр, которые 15 лет назад забрали у меня сына.

- Здравствуйте, - говорю я. Голос звучит ровно. Это голос профессионала. Голос человека, который говорит родственникам, что их ребёнок не выживет. Я умею им пользоваться.

- Я из отдела опеки. Проверка условий обучения детей, находящихся под опекой.

Я вру. Нагло, прямо в глаза. У меня нет никаких документов. У меня есть только моя белая куртка (я надела её, чтобы выглядеть официально) и мой профессиональный тон, который не терпит возражений.

Вахтёрша смотрит на меня с подозрением:

- У вас есть предписание?

- Будет, - улыбаюсь я. - Мне нужно просто осмотреть классы. Поверхностно. Формальная процедура.

Я смотрю на неё в упор. Я молчу ровно три секунды. Не угрожающе, а спокойно и уверенно. Это тот самый взгляд, которым я смотрю на родителей в хосписе, когда они пытаются убедить меня и себя, что их ребенок идет на поправку. Я не спорю. Я просто жду. И они сдаются. Потому, что в моём взгляде нет сомнений. Вахтёрша отводит глаза.

- Проходите, - говорит она. - Только не шумите, идёт урок. Я прохожу.

Внутри школы пахнет потом, мелом и детством. Я иду по коридору, заглядываю в двери классов. Везде лица. Чужие, незнакомые. Я не знаю, в каком он классе. Я не знаю его имени. У меня есть только родинка и его лицо, которое я видела сорок восемь часов назад.

Я прохожу мимо расписания. Останавливаюсь.

Смотрю на список классов.

9-А. 9-Б. 9-В.

Ему пятнадцать. Значит, девятый класс.

Я поднимаюсь на второй этаж. Я слышу голос учительни-

цы - она объясняет теорему Пифагора или что-то вроде того. Я открываю дверь и заглядываю в класс.

Ряды парт. Лица. Мальчики и девочки. Я скольжу по ним взглядом, как скальпелем.

Он сидит у окна, на третьем ряду.

Я вижу его профиль, его светлые волосы, его руки, которые выводят что-то в тетради. Он ничего не замечает. Он просто пишет и иногда поглядывает на доску.

У меня сбивается дыхание.

Я смотрю на него. Он поворачивает голову. Я вижу его глаза.

Серые. Те самые. Я не могла их забыть. Когда я держала его на руках в роддоме, он смотрел на меня - невидящим, рассеянным взглядом новорождённого, но я вглядывалась в них и видела в его глазах свои, и глаза моего отца.

А сейчас они у него - чистые, ясные, живые.

Я задерживаю дыхание.

Я смотрю на его левую щеку возле уха.

Родинка.

Она там.

Учительница оборачивается и видит меня:

- Вы к кому?

Я захлопываю дверь.

- Извините, ошиблась, - говорю я и отхожу от двери.

Я прислоняюсь спиной к стене коридора. Сердце колотится так сильно, что я слышу его в ушах. Я зажимаюсь.

Он жив. Он здесь. Он - мой сын.

Но, я не могу просто подойти к нему и сказать это. Потому что это будет выглядеть как безумие. Потому что меня выведут отсюда, и я больше никогда его не увижу.

Мне нужно узнать, кто он. Мне нужно узнать, кто его родители. Как он сюда попал. Почему мне сказали, что он умер.

Я открываю глаза. Я беру себя в руки.

Я спускаюсь вниз, к вахтёрше. Я снова улыбаюсь той же профессиональной улыбкой:

- Скажите, а у вас есть списки 9-В класса? Мне нужно проверить одного ученика. Для отчёта.

- Какая фамилия? - спрашивает она.

Я не знаю.

Я замираю.

- Я не помню точно, - говорю я. - Светловолосый, худой, около пятнадцати. Он сидит у окна, на третьем ряду.

Вахтёрша смотрит на меня с подозрением.

- Это многие, - говорит она. - Конкретнее.

Я открываю телефон, и понимаю, что фотографию я вчера не сделала. Нет. Фотографию я не сделала. Я просто смотрела на него, как парализованная.

- Вы знаете его? - спрашиваю я. - У него родинка за ухом.

Вахтёрша смотрит на меня и встаёт из-за стола.

- Вы не из опеки, - говорит она. - Кто вы? Что вам нужно от нашего ученика?

Я понимаю, что прокололась.

Я отступаю назад.

- Я мать, - говорю я. - Я думаю, что это мой сын. Мой ребёнок, которого я потеряла пятнадцать лет назад. Он пропал. Его украли.

Вахтёрша бледнеет.

- Вы сумасшедшая, - говорит она. - У Серёжи есть мать. Я знаю её, она приходит на собрания. Это Ольга Александровна Реброва. Он её сын, и она - его законная мать.

Я слышу эту фамилию. Реброва.

Я запоминаю её.

Я говорю:

- Извините.

И я ухожу.

Я выхожу из школы. На улице солнечно, птицы поют, идёт обычная жизнь. А я стою с телефоном в руке и дрожу.

Он её сын. Сын Ребровой.

Значит, у него есть родители. Он живет с ними. Они его купили или украли, и они знали, что у него есть мать, которая плачет над пустой могилой.

Я сжимаю телефон так, что костяшки белеют.

- Миша, сынок, - шепчу я.

Я смотрю на небо.

- Ольга Александровна Реброва. Сын Серёжа.

Я вдруг улыбаюсь. Эта улыбка пугает меня саму. Потому что я понимаю: теперь у меня есть имя. Теперь у меня есть цель.

Я найду эту женщину.

Я узнаю, как мой сын оказался у неё.

Я верну его.

Даже если для этого мне придётся вырвать его из этой семьи. Из этой школы. Из этой жизни.

Он - мой. И я его не отдам.

ГЛАВА 3. ИМЯ И АДРЕС

Три дня я веду охоту. Это моя новая работа. Я беру больничный в хосписе - говорю, что у меня грипп. Аня скоро умрёт, но я не могу быть рядом с ней. Потому что вместо того, чтобы думать о её смерти, я думаю о жизни своего сына.

Я чувствую себя предательницей. Но я также чувствую себя матерью. И эти два чувства разрывают меня на части.

Я сижу дома, перед моим старым ноутбуком, который гудит вентилятором, как старый трактор. Я открываю поисковик и вбиваю фамилию «Реброва». Сердце колотится. Страницы загружаются медленно, а я чувствую, как внутри меня всё сжимается.

Теперь у меня есть имя. Теперь у меня есть цель.

Я найду её.

«Ольга Реброва».

Слишком много людей с таким именем. Я добавляю: «Серёжа Ребров, сын», «школа №14».

Я нахожу её.

Ольга Александровна Реброва, 41 год. Живёт в коттеджном посёлке «Сосновый Бор». Работает фармацевтом в сети аптек. Муж - Виктор Петрович Ребров, 45 лет, владелец сети автосервисов.

Они успешны. У них деньги. У них дом. У них есть сын, которого они купили.

Я смотрю на фотографию Ольги в социальных сетях. Она улыбается. Она выглядит счастливой. На главном фото - она с Серёжей, на фоне моря. Они смеются. У неё рука на его плече. Она выглядит как мать.

Это причиняет мне физическую боль.

Я смотрю на её лицо и вижу женщину, которая живёт в моём доме. Которая спит в моей постели. Которая держит моего сына за руку.

Я закрываю страницу. Я не могу на это смотреть.

Я записываю адрес. Коттеджный посёлок «Сосновый Бор», улица Сосновая, дом 7.

Я еду туда.

Посёлок красивый. Дороги чистые, деревья зелёные, пахнет хвоей. Дома стоят ровными рядами, как солдаты. У всех свои заборы, свои сады, свои жизни.

Я прохожу через открытые ворота - охранник возится с въезжающей машиной и даже не смотрит в мою сторону.

Я стою у дома №7.

Кирпичный дом, двухэтажный, с белыми окнами и кова-

ным забором. На газоне - качели. На веранде - сушится его синяя ветровка. Та самая, в которой он был на остановке. В апрельском холоде, под дождём. Он был в ней, когда я видела его впервые.

Я сжимаю кулаки.

Я звоню в дверь.

Слышны шаги. Открывается дверь.

Ольга Реброва стоит передо мной.

Она красивая. Ухоженная. Волосы убраны в хвост, на ней простой светлый свитер, на лице - вежливое, профессиональное выражение. Сразу видно, что она привыкла, что к ней приходят. Она - фармацевт. Она смотрит на меня, как на пациента.

- Здравствуйте, - говорит она. - Вы ко мне?

Я смотрю на неё. Я вижу перед собой женщину, которая украла мою жизнь. У меня пересыхает в горле. Все заготовленные слова уходят в песок.

- Здравствуйте, - говорю я. - Я Вера. Вера Нечаева.

Она смотрит на меня, и в её глазах мелькает что-то. Настороженность. Она чувствует неладное.

- Чем могу помочь?

Я делаю паузу. Три секунды. Я смотрю ей в глаза.

- Я хочу поговорить с вами о Серёже.

Она замирает. Её лицо становится каменным.

- Что вы знаете о моём сыне?

- Это он, - говорю я. - Я знаю, что он ваш приёмный сын. Я

знаю, что вы взяли его, когда он был младенцем. Но я также знаю, что он - мой сын. Его зовут Миша. Я родила его, я держала его на руках, я целовала его. И мне сказали, что он умер. Но он жив. И вы это знали.

Ольга белеет.

- Вы психически больны, - говорит она. - Убирайтесь.

Она пытается закрыть дверь, но я ставлю ногу в проём. Я не даю ей захлопнуть дверь.

- Я не уйду, - говорю я. - Я не уйду, пока вы не скажете мне правду. Вы купили его? Вы украли его? Что вы сделали с моим сыном?

- Слушайте, - говорит она, и в её голосе слышится паника. - Я не знаю, кто вы. Я не знаю, что вы придумали. Но мой сын - мой. Я растила его пятнадцать лет. Я меняла ему подгузники, я водила его в школу, я лечила его, когда он болел. Я его мать. Вы никто. Вы - просто сумасшедшая, которая пришла и угрожает мне.

Она пытается вытащить мою ногу. Я не даюсь.

- Где вы взяли его? - спрашиваю я.

- В роддоме, - цедит она сквозь зубы. - Официально. С документами. Его мать отказалась от него при рождении.

- Ложь! - кричу я. - Я не отказывалась!

- Убирайтесь, - повторяет она. - Я вызываю полицию.

Она достаёт телефон. Я вижу, что она не шутит.

Я убираю ногу. Дверь захлопывается. Я слышу, как она запирает замок.

Я стою на крыльце и не могу пошевелиться.

Отказалась от него.

Она сказала, что я отказалась от него. Кто-то сказал ей, что я не хотела его. Кто-то сказал ей, что он никому не нужен.

Я утыкаюсь лицом в ладони.

Я закрыла глаза. Я не плакала. Я просто стояла и смотрела в никуда. Внутри меня была пустота. Такая огромная, что я не чувствовала ничего.

Я так и не увидела его мёртвым. Я так и не попрощалась. Я только помню его тёплое тельце, прижатое к моей груди, и его запах - запах молока и чего-то еще сладкого, как мёд.

Я не смогла быть рядом, когда он уходил. Я не смогла проводить его. Я не смогла защитить его. Мне осталось только принять это и жить дальше.

Я вспоминаю глаза медсестры. Она врала мне. Она знала правду. Она отдала моего ребёнка чужим людям.

Но почему? Зачем?

Я поднимаю голову.

Я смотрю на закрытую дверь.

Я говорю себе:

- Это только начало. Ты не остановишь меня. Я узнаю правду. И я заберу его.

Я разворачиваюсь и ухожу.

За моей спиной в доме №7 гаснет свет. Но я знаю, что Ольга стоит у окна и смотрит мне в спину.

Она боится меня.

И она права.

ГЛАВА 4. СТАРАЯ МЕДСЕСТРА

Я не сплю третьи сутки. Я почти не ем, почти не пью. Я думаю. Я перебираю в голове все детали, все лица, все слова. Я вспоминаю тот день, когда мне сказали, что Миша умер. Я была в реанимации. Я лежала почти без сознания. Она пришла, эта медсестра. Я помню её лицо, но не помню имени.

Я помню её руки. Большие, с красными, обветренными пальцами.

Я вспоминаю. Её глаза. И в них была... жалость. Слишком много жалости. Словно она знала что-то, чего не знала я.

Меня прошибает буд-то током.

Мне нужно найти её.

Я звоню в архив больницы. Мне говорят, что медсестра, которая работала в отделении патологии пятнадцать лет назад, ушла на пенсию. Но у них есть записи.

Я не говорю, кто я. Я представляюсь журналисткой. Мне дают имя.

Галина Петровна Степанова.

Я нахожу её адрес. Она живёт в старом районе, в хрущёвке, на окраине города.

Я еду туда на автобусе. Дождь идёт снова, как в тот день.

Я поднимаюсь на пятый этаж. В подъезде пахнет кошками и старой бумагой. Я звоню в дверь.

Женщина открывает.

Она старая. Очень старая. Ей наверно за семьдесят. Морщинистое лицо, седые волосы, руки - те самые, большие, с красными пальцами. Она смотрит на меня и сначала не узнаёт.

- Здравствуйте, - говорю я. - Галина Петровна?

- Да, - отвечает она.

- Вы меня не помните, - говорю я. - Меня зовут Вера Нечаева. Пятнадцать лет назад вы работали в роддоме. Вы сказали мне, что мой сын умер.

Она смотрит на меня. Её глаза расширяются. Она узнаёт меня. Она бледнеет.

- Вера, - шепчет она. - Боже мой, Вера.

Она пытается закрыть дверь, но я ставлю ногу в проём. Я уже один раз так делала, у Ольги. И это сработало.

- Не надо, - говорю я. - Не закрывайте. Я просто хочу правду.

- Уходи, - шепчет она. - Уходи, тебе не нужно знать этого.

- Нужно! - кричу я. - Он жив! Он жив, Галина Петровна! Я видела его! Он ходит в школу, он смеётся, у него новая семья! И вы знали это! Вы знали!

Она отступает назад. Я захожу в квартиру. Она маленькая, заставленная старой мебелью. Пахнет лекарствами и одиночеством.

- Вера, - говорит она, - Вера, ты не понимаешь. Это было не моё решение.

- Чьё же?

- Главного врача. Он сказал, что так будет лучше. У тебя не было денег на операцию. У тебя не было мужа. Ты была одна. А у них - Ребровых - были деньги. Они хотели ребёнка, они искали ребёнка. И врач предложил им... сделку.

Я смотрю на неё. Меня трясёт.

- Сделку? - переспрашиваю я.

- Они заплатили больнице. Много. За то, чтобы ребёнок «умер». Чтобы все документы были переделаны. Чтобы ты никогда не узнала. Они забрали его, когда ему было две недели. Сказали, что дадут ему всё. Деньги, образование, будущее. А у тебя не было ничего. Ты бы его просто... потеряла. Он бы умер.

- Это не вам решать! - кричу я. - Это был мой сын! Мой!

Она смотрит на меня, и я вижу слёзы в её глазах.

- Я знаю, - шепчет она. - Я знаю, Вера. Но что я могла сделать? Мне тоже сказали: либо ты молчишь, либо тебя уволят. Я была одна. У меня была дочь, она болела. Мне нужно было работать. Я выбрала работу.

Она плачет. Стоит у стены и плачет, как ребёнок.

- Я думала, ты никогда не узнаешь, - говорит она. - Я думала, ты уедешь. Я думала, ты забудешь. Но ты пришла. Ты пришла, и я вижу твои глаза. Они такие же, как у него. У Серёжи.

Она произносит его имя. Имя, которое ему дали чужие люди.

- Как ты узнала? - шепчет она.

- Я увидела его. На остановке. У него родинка за ухом, - говорю я.

Галина Петровна смотрит на меня.

- Ты не должна была увидеть его, - говорит она. - Я молилась, чтобы ты никогда его не увидела. Потому что знала: если ты увидишь - ты не остановишься.

- И вы были правы.

Я выпрямилась. Я смотрю на неё сверху вниз.

- Скажите мне одну вещь, - говорю я. - Врач, который организовал эту сделку... Где он?

Она поднимает на меня глаза.

- Он умер. Через год после этого. Инфаркт.

Я киваю.

- А документы? Где документы?

- Они в больнице. В архиве. Но их почти невозможно найти. Их спрятали.

- Я найду, - говорю я. - Спасибо за правду, Галина Петровна.

Я разворачиваюсь и иду к выходу. У двери я останавливаюсь.

- Вы знаете, - говорю я, не оборачиваясь, - я каждый день держала детей за руку, когда они умирали. Я думала, что это делает меня сильнее. Но я ошибалась. Это делало меня сле-

пой. Я не видела, что моя собственная боль - живая.

Я выхожу. Я не оглядываюсь на её слёзы.

Я спускаюсь по лестнице, и на последней ступеньке я оста-
навливаюсь. Я обернулась.

Я вижу её. Стоящую у двери. Она плачет.

Я чувствую что-то внутри себя. Не жалость. Не прощение.
Понимание.

Она тоже была одна. Она боялась. Она сделала выбор, ко-
торый сломал её жизнь. У меня выбора не было - меня не
спросили.

Я тихо говорю, чтобы она не слышала:

- Я тебя не прощаю. Но я понимаю.

И я ухожу.

ГЛАВА 5. ЧАШКА КОФЕ

Я не сплю четвертые сутки. Но я не чувствую усталости.
Во мне горит что-то, что я не могу назвать. Это не надеж-
да, не гнев, не любовь. Это что-то более древнее, что-то, что
живет на уровне инстинктов. Я - мать, которая потеряла де-
теныша, и теперь она идет по его следу.

Я сижу в кафе напротив школы.

Это маленькое заведение с пластиковыми столиками и ко-
фе из автомата. Я заказала латте, но не пью его. Я смотрю
на дверь школы.

Жду.

Он выходит в три часа.

Серёжа.

Я вижу его издалека. Он идет с рюкзаком за спиной, наушники в ушах, взгляд рассеянный. Он никуда не спешит. Он просто идет по улице, как любой другой подросток. И от этого зрелища у меня сжимается сердце.

Я встаю.

Я выхожу из кафе.

Я иду за ним.

Я знаю, что это безумие. Что это похоже на преследование. Что я должна остановиться. Но моё тело не слушается. Мои ноги идут сами. Мои глаза не могут оторваться от его спины, от его светлых волос.

Я не знаю, кто он. Я не уверена, что это он. Может быть, я просто сошла с ума. Может быть, это просто совпадение.

Но я чувствую, что это он. Внутри меня - где-то под рёбрами - начинает разливаться тепло. Я не знаю, откуда оно. Я не знаю, почему я так уверена. Но я знаю: я должна идти за ним. Я должна увидеть его лицо ещё раз. Я должна убедиться, что он настоящий.

Я не думаю о том, что будет. Я просто иду.

Он заходит в продуктовый магазин. Покупает шоколадку. Я стою за витриной и смотрю, как он выбирает. Он берет молочный шоколад с орехами. Я любила сладкое, когда была беременна Мишей. Я лакомясь шоколадом и думала, что он чувствует этот вкус через молоко. Молочный шоколад с

орехами.

Я чувствую ком в горле.

Он выходит из магазина, разворачивает шоколадку и откусывает кусок. Идет дальше, жует и смотрит в телефон. Я иду за ним на расстоянии метров двадцати.

Не знаю, сколько я так иду. Минут десять. Потом он сворачивает в парк. Садится на скамейку. Достает книгу.

Я останавливаюсь за деревом.

Я смотрю на него.

Я вижу его лицо. Теперь, вблизи, я могу разглядеть его черты. Его нос - прямой, как у моего отца. Его брови - чуть изогнутые, как у меня. А глаза... серые, живые. Я помню эти глаза. Я смотрела в них, когда он был младенцем.

Я хочу подойти к нему. Хочу сесть рядом. Хочу сказать: «Привет, я твоя мама».

Но я не могу.

Я не имею права.

Я просто стою за деревом и смотрю на него.

Он поднимает голову. Я замираю. Он смотрит в мою сторону. Я думаю, он меня заметил. Я уже готова уйти, спрятаться. Но он просто смотрит в мою сторону, смотрит на дерево, потом снова опускает глаза в книгу.

Я выдыхаю.

Я понимаю, что не могу больше стоять за деревом, как ненормальная. Я должна сделать что-то. Должна подойти к нему.

Я собираюсь с духом.

Я выхожу из-за дерева. Я иду к нему. Мои ноги трясутся. Я чувствую, как колотится сердце.

Я подхожу к скамейке.

- Можно присесть? - спрашиваю я.

Он поднимает глаза. Смотрит на меня. В его взгляде - удивление, но не испуг. Он просто видит странную тетю, которая просит разрешения сесть на скамейку.

- Да, - говорит он. Пожимает плечами.

Я сажусь. Оставляю между нами расстояние. Полметра. Достаточно, чтобы он не чувствовал угрозы.

- Ты любишь читать? - спрашиваю я.

Он показывает обложку. Это какой-то фэнтези. Драконы, мечи, магия.

- Ну, вроде того, - говорит он.

Я киваю.

- А что вы читаете? - спрашивает он.

- Я больше люблю слушать, - говорю я. - Когда читают вслух.

Он смотрит на меня с интересом. Я вижу, что он еще не понял, кто я. Для него я просто незнакомка.

- Слушаете книги? - переспрашивает он.

- Нет, - говорю я. - Людей. Мне нравится слышать их голоса. У каждого голоса есть история. Даже если она не написана в книге.

Он смотрит на меня и улыбается. Робко, с долей непони-

мания.

- Вы странная, - говорит он.

- Я знаю, - улыбаюсь я. - Мне часто говорят.

Мы сидим молча. Я смотрю на его руки. Он держит книгу, и я вижу его пальцы. Длинные, тонкие. Как у пианиста. Я когда-то мечтала, чтобы он играл.

- Тебе нравится музыка? - спрашиваю я.

- Ну, вообще, люблю, - говорит он. - Но я не играю.

- Жаль, - говорю я. - У тебя такие руки. Они созданы для музыки.

Он смотрит на меня с большим удивлением.

- Вы кто? - спрашивает он. - Мы знакомы?

Я замираю. Я не готова к этому вопросу.

- Нет, - говорю я. - Я просто... увидела тебя в парке. У тебя интересное лицо.

- Интересное? - переспрашивает он.

- Да, - говорю я. - Ты похож на одного человека, которого я знала.

- На кого?

- На моего сына, - говорю я. - Он тоже был светловолосым. И у него была такая же родинка на левой щеке возле уха.

Серёжа замирает. Он машинально касается рукой своего левого уха. Смотрит на меня с подозрением.

- У меня есть родинка, - говорит он. - Откуда вы знаете?

Я смотрю на него. Я уже проговорила. Я уже переступила грань.

- Я видела, - говорю я. - Просто видела.

- Вы меня преследуете? - спрашивает он. В его голосе слышатся нотки страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.